

ИНТЕРВЬЮ

Я «нарадзіўся» там: художник Борис Заборов

f t vk o n w g+ ↵

Мы продолжаем писать о белорусах, добившихся признания в мире, но не забывающих о том, что они белорусы. Именно о них совместный проект журнала «Большой» и общественной кампании «Будзьма беларусамі!». Знаем своих, ценим и гордимся.

КТО: Борис Заборов, художник, Париж

ПОЧЕМУ: потому что если не он, то кто? А вообще — читаем биографию

ОБРАТИТЬ ВНИМАНИЕ НА ФРАЗУ: «Самое страшное в жизни человека без родины — когда о ней нечего вспомнить»

Борис Заборов. Родился в Минске в 1935 году в семье художника Абрама Заборова. Художественное образование получил в Минском художественном училище, после которого поступил в Ленинградскую академию художеств. В 1961 году переехал в Москву, где закончил институт им. Сурикова. До эмиграции много работал как книжный график и дизайнер книги. В 1971–1974 годах проиллюстрированные им книги четыре года подряд признавались «Самыми красивыми книгами года».

С 1980 года живет и работает в Париже, посвящая себя исключительно живописи. За годы жизни во Франции выставлялся в музеях и галереях Парижа, Токио, Германии, Италии, России... В 2008 году его картина пополнила коллекцию галереи Уффици во Флоренции. О том, что впервые за многие десятилетия знаменитая сокровищница искусств приобрела картину «современного русского художника», написали все российские и многие западноевропейские СМИ.

В коллекции Национального художественного музея также имеется одна картина Заборова, приобретенная у художника и подаренная Беларуси французской ассоциацией One for all Artists. В 2010 году в Минске прошла первая и пока единственная выставка художника на родине.

— «Если уезжать, то только в Париж», — говорили вы. И таки уехали. Почему именно Париж?

— Несмотря на возраст, живет во мне детскость. Мне приятно это осознать.

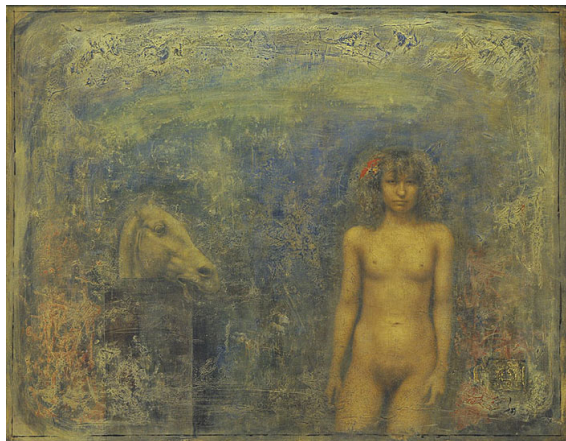
Не помню, каким образом во время войны попала ко мне в руки небольшая коллекция французских марок. Затем занятие живописью, ставшее делом жизни, любовь к французскому искусству. С годами накапливались гуманитарные знания о стране: поэзия, проза, кино, шансонье... Так сложился образ Франции к 45 годам, который и подсказал страну эмиграции. Если бы я дал себе заботу ознакомиться серьезнее с современной жизнью этой страны, возможно, дрогнул. Этого я опасался. «Не зная брода, не суйся в воду» — не мой принцип. Романтический образ Парижа, который лелеяло мое воображение в детстве, с последним эшеломом уходил в прошлое. Возможно, в год моего приезда я успел еще вскочить на подножку его последнего вагона.

— Париж по-прежнему Мекка для художников?

— Какая Мекка?! Только что много мусульман. Но вы ведь не об этом... Художественная жизнь Франции сегодня даже не бледная тень того, чем была в начале прошлого столетия.

В Париж того времени стремились все д'Артаньяны «на ловлю счастья и чинов». Но кроме них — поэты, писатели, художники со всех концов света, привозя с собой в багаже самобытную культуру своих отечеств. В том числе и белорусские художники, никому не нужные у себя. Впрочем, как и сегодня.

Борис Заборов. Девушка в саду. 1998 год.

Культурная жизнь Парижа вышеназванного периода была перенасыщена обилием талантливых людей. Сравнима разве только с Флоренцией эпохи Возрождения. Это время породило миф, который и сегодня жив, хотя та реальность безвозвратно исчезла. Равно как и природный характер национальных культур, породивших его.

— Что происходит в искусстве сегодня?

— Наше время в искусстве достойно презрения. Человек изгнан из него, обезличен до полного ничто. А ведь на протяжении веков был центральным объектом большого искусства. Я даже не говорю о его психологических признаках в изображении, но о декоративно-пластических формах.

Скажем, в египетском искусстве изображаемые люди тоже не наделены индивидуальными признаками (кроме феномена Фаюмского портрета), но какая художественная изысканность, гармония, пластика, композиционное совершенство.

И вот спустя тысячелетия нынешние «творцы» обратили человека снова в схему, ничтожную и убогую.

...Интересное, до конца не изученное явление — древнерусское искусство, на мой взгляд, самое высокое из искусств, когда-либо рождавшихся в России. И это вопреки чрезвычайной жесткости канона.

— Получается, что полная свобода — не всегда хорошо?

— Что есть свобода, тем более полная, рассуждать здесь не будем. Но то, что она не есть произвол и вседозволенность, — не сомневаюсь (хотя именно так ее понимают в современном мире искусства). Чтобы создать шедевры, о которых я упомянул, творцам было достаточно внутренней свободы и веры. Канонические ограничения заставляли иконописца сосредоточиться на главном — на образе и на форме. В жестких рамках рождалась высокая свобода внутренней жизни творящего.

Было бы непростительной глупостью думать, что художника надо загнать в рамки. Нет, конечно! Вопрос в этических и нравственных качествах художника. Свобода — не подарок. Надо быть достойным, заслужить ее.

— У вас есть расхождения во взглядах с галереями и заказчиками?

— У меня нет заказчиков, и с галереями я уже лет 15 не работаю. Эти игры разрушительны для художника. Но изначально, без галереи, я бы просто не выжил. Те, с которыми я работал (мне подфартило), — крупнейшие галереи в Париже. Они или принимали художника таким, какой он есть, или нет. Такой период был, и именно его я имел в виду, когда писал, что «успел вскочить на подножку последнего вагона». В конце 90-х все поменялось. После этого я резко прекратил работу с галереями. Тогда считал, что поступил правильно. Я и сейчас так считаю, просто сложнее выживать.

— А что нужно, чтобы тебя заметили в Париже? Настойчивость? Деньги? Или достаточно просто таланта?

— Ни первое, ни второе, ни третье. Настойчивость, особенно пришельца, в желании выскочить на авансцену, расталкивая других, только раздражает. Деньги очень большие заметят, чтобы обложить налогом. Талант в классическом смысле слова сегодня не нужен, напротив — он мешает своей неуместностью в «современном искусстве». И слово «успешный» из новорусского лексикона мне очень не нравится.

— Что мешало в Советском Союзе и что, по-вашему, мешает творческому человеку сейчас?

— Лицемерная, жестокая, насквозь пропитанная ложью идеология, вторгающаяся безнаказанно и нагло не только в творческую жизнь, но и в жизнь частную. Я всегда ощущал ее удушающую руку на своем горле. Спастись надо было бегством.

Борис Заборов. *Инфанта*. 2003 год.

Сегодня над художником этот дамоклов меч не висит. Казалось бы... А что мы видим? Тотальное обезличивание, клонированное рукоделие. Творческий человек оказался лицом к лицу с искушением: коммерцией, деньгами, публичными торгами. Лицом к лицу с ложью и ханжеством идеологов и торговцев так называемым «современным искусством».

Одна цензура сменялась другой. Между молотом тоталитарной идеологии и наковальней мировой коммерции нет спасения художнику. Единственное место, где он может укрыться, — это уйти в себя в поисках своей единственности, которая есть в каждом. Это самое трудное, но достойное путешествие для мужчины.

— Как вы относитесь к эмиграции?

— Эмиграция — всегда шок: возможно, излечивающий, возможно, смертельно опасный. Исходя из того, что язык выражения изобразительного искусства — совершенное эсепранто, думать, что художник космополитен, легкомысленно. Эмиграция не всегда выстраивается по трагическому сценарию, а то, что она не всегда неудача, это бесспорно. Примеров тому много. Да и мой случай нельзя назвать неудачей.

— Каково это — жить без родины?

— Когда вы произносите слово «родина», какое содержание вкладываете? Место, где человек родился, страну, записанную в паспорте, страну, в которой он состоялся профессионально и обрел себя как личность? «Свое отечество ношу в себе», куда бы меня ни забросила жизнь. Одно из самых важных решений, которое принял в жизни, это то, что я эмигрировал из страны своего рождения. В эмиграции я сделал то, чего никогда не смог бы сделать в Беларуси: стал художником, с которым вы беседуете. Но это не значит, что я забыл свое отрочество, и молодость, и зрелость. В той жизни были незабываемые счастливые дни, были драматические и трагические периоды. И все вместе, даже если это многим покажется странным, питает мое творчество. Человек, потерявший память, умер. Самое страшное, когда человеку, покинувшему свою страну, о ней нечего вспомнить. К счастью, это не мой случай.

— Ностальгия по прошлой жизни мучает?

— Я привязан воспоминаниями к земле, где родился. Но это нельзя назвать ностальгией. И к тому же я совершаю каждый год прогулки по родным местам... в воображении. Я ставлю на мольберт холст и пишу сарай, гумно, деревенский дом. Уверяю, это удивительное лекарство. Вообще-то моя мечта — сделать однажды выставку этих, назовем условно, пейзажей. Представляю эту тишину, покой. Ни одного персонажа на холстах, только сараи-портреты, возникающие из глубины пространства или же в него уходящие.

Борис Заборов. Гумно. 1983 год.

Если и случаются приступы ностальгии, то не по какому-то конкретному периоду в жизни, а — как бы избежать громких слов — ностальгии космической. По иной жизни, которая мерещится...

— Шагал всю жизнь рисовал довоенный Витебск и не смог примириться с Витебском послевоенным. Что, на ваш взгляд, утратила Беларусь?

— Не думаю, что Шагал рисовал Витебск. Скорее — небо над ним, в котором парил, и все, что мерещилось ему сверху. Он писал ощущения, рожденные опытом жизни в патриархальной еврейской среде этого города. Он потерял Тот город. Осталась память о нем, которая питала его искусство до конца дней. И новую реальность он видеть не хотел. Что бы случилось, не уедь вовремя Шагал в Париж? Можно не сомневаться — обрубили бы ему крылья советские сатрапы. А уцелел — погиб бы несомненно в газовых печах Освенцима или другого фашистского концлагеря.

Что утратила Беларусь? Не считаю возможным говорить об этом. Я не живу там уже 33 года.

— Но какой она вам видится отсюда?

— Когда думаю о Беларуси, а не думать о ней совсем я не могу, возникает хорошо узнаваемый образ. Только с новой постсоветской прической. К лицу ли она Беларуси — это дело вкуса. Страна с авторитарной президентской властью. С утверждением западных СМИ, что в Беларуси — диктатура, согласиться не могу.

Я родился и жил под властью «пролетарской диктатуры». Знаю, что это такое.

Третью государственной границы Беларуси — с западноевропейскими странами. Принцип же государственной власти чисто азиатский. А кто на территории Российской, а затем советской империи отдавал свою единоличную власть добровольно, так сказать, в процессе свободных выборов? Я не припомню. Царь Николай Второй отрекся — поплатился за это головой.

Конечно, человеку западноевропейской цивилизации понять эту форму власти невозможно. Приходит на память Блок: «Да, скифы мы, да, азиаты мы...» От польской границы, начиная с Беларуси, включая Россию, эта азиатская ментальность чем дальше на восток — была и остается таковой.

В детстве, юности и зрелом возрасте я изъездил Беларусь вдоль и поперек. Бывал в глубинках, где от деревушки в семь хат до ближайшего поселения — более ста километров леса.

Кто на территории советской империи отдавал власть добровольно, так сказать, в процессе свободных выборов?

Утверждаю своим опытом, что более гостеприимного, миролюбивого, лишенного национальной ненависти к другим и, наконец, лишенного великодержавного шовинизма народа не знаю. Белорусы исторически крестьянствовали. Занимались благородным делом — пахали и сеяли, жили семейным кланом, то есть самым устойчивым звеном в социальной жизни человека. Так сформировалась психология нации, то, что выше мы именovali ментальностью. Сформировалась исторически жизнью в трудах на земле. Она отлична от русской.

Вообще-то у меня осталось впечатление от последней поездки в Минск, что власть и народ живут подобно концентрическим окружностям, то есть не пересекаются. Народное сознание хорошо иллюстрирует частушка «С неба звездочка упала прямо милому в штаны, пусть бы все там оторвало, лишь бы не было войны». Хлеб есть, есть draniki, есть сало, не опасно ходить по улицам города, чисто. «Не зная большего, нам большего не надо». Жизнь сюрреалистична.

— Как вы думаете, вы бы смогли вернуться?

— Конечно же нет. Здесь, в Париже, мой дом, моя семья: жена, дети, внуки. Дом, где уже более тридцати лет стою у мольберта, где в тишине могу предаться размышлениям, где на полках книги, которые можно читать и перечитывать. Дом, в который приходят друзья без «сопровождающих лиц». Дом, в котором в новогоднюю ночь не учиняют обыск. Может ли человек по доброй воле покинуть такой дом?

Проект осуществляется при поддержке компании «Туссон».

Текст: Катерина Петухова

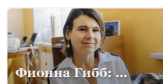
Фото: Егор Войнов

Теги: [іскусства](#) [Я «нарадаўся» там](#)

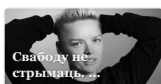

Комментарии

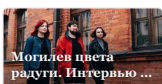
ALSO ON BOLSHOI.BY

2 года назад • 3 comments
Интервью с бывшим послом Великобритании в Беларуси.

2 года назад • 1 comment
Интервью с Николаем Халезиным и Светланой Сутако.

2 года назад • 1 comment
Редакция нашла менее расправленную достопримечательность ...

3 года на
«Большой» мысли «известны

1 Comment bolshoi.by Политика конфиденциальности Disqus Войти

Favorite 1 Твитнуть Поделиться Лучшее

Присоединиться к обсуждению...

войти с помощью или через DISQUS

Имя

Andrian Judro • 5 лет назад
спасибо

Ответить Поделиться

Подписаться Добавить Disqus на свой сайт Do Not Sell My Data DISQUS

ПЕРВАЯ ПОЛОСА

Максим Кубарко:
«Направление движения
выбирает технология, а не
режиссеры»

Смена руководства Bosch в
Беларуси и результаты
2019 года

Энио Морриконе:
«Невозможно спасти плохой
фильм хорошей музыкой»

Джордж Оруэлл: «Люди
порядочны только тогда,
когда они бессильны»

Сооснователь компании
SATIVA Виктор Галченко:
«Белая поганка —
натурально? Натурально,
но бесполезно»

Меняем привычки вместе с
VELO

О ПРОЕКТЕ

О нас
Рекламодателям
Спецпроекты
Контакты

РАЗДЕЛЫ САЙТА

Life-shot
Деньги
Культура
Власть
Мир
Интервью
Моторы
Город
Спорт
Технологии

Свежий номер

